

XVIII. Революция и анархизм.

Это различие во взглядах на приемы борьбы зависит от того, что некоторые увлекающиеся товарищи, мало задумываются над идеями и в сущности, имеют в виду исключительно только революцию, даже тогда, когда им кажется, что они борются за анархический идеал. Они думают, что этот идеал целиком заключается в революции, совершенно также, как республиканцы думали когда-то, что стоит только провозгласить республику, чтобы открылась эра всеобщего счастья и благоденствия. Нам нечего напомнить читателю о тех разочарованиях, которые пришлось испытать рабочей массе после установления республиканского правления; постараемся же предотвратить те, не менее ужасные, разочарования, которых нам не миновать, если мы не отвыкнем ждать всего от революции и делать из неё цель, когда она есть не более как средство.

Наши товарищи исходят из той – может быть и очень рекомендуемой их – мысли, что можно сгруппировать людей заранее в виду революции, и как только их соберется более или менее значительное число, попытаться вызвать какое-нибудь восстание; они думают, что можно искусственно создать такое положение дел, при котором революция вспыхнет, а затем уже организованные революционные группы постараются придать ей должное направление. Отсюда их сочувственное отношение к некоторым приемам борьбы, которые, как им кажется, могут приблизить этот момент; отсюда их старания сгруппировать все революционные силы вокруг одной смешанной революционной программы, оставляя в стороне такие подробности и оттенки мнений, которые могут внести разногласия и отдалить некоторых лиц, которых они считают обладающими революционным темпераментом.

Мы же, наоборот, уверены в том, что революция придет сама и прежде, чем мы будем достаточно многочисленны чтобы ее вызвать; мы думаем, что современная общественная организация неизбежно ведет к этому и что если существующий экономический кризис усложнится каким-нибудь политическим событием, то это может явиться искрой, которая подожжет порох; то движение, которое наши товарищи хотят вызвать искусственно, вспыхнет, таким образом, само.

Всякому, кто не хочет закрывать глаз на действительность и прятать, как страус, голову под крыло, ясно, что настоящее положение не может продолжаться долго. Недовольство царит повсюду; именно ему буланжизм[37] был обязан той силой, с которой он охватил Францию, и если это движение окончилось неудачей, то это зависело исключительно от глупости и трусости стоявших во главе его людей. Но то, что не удалось одним, может удастся другим.

Если в настоящее время это недовольство и не выражается так резко, как во время буланжизма, оно однако существует; оно не менее распространено, не менее глубоко. Промышленный кризис не только не смягчается, но все усиливается; найти работу становится все труднее и труднее; безработица затягивается, и армия безработных делается все многочисленнее и многочисленнее. И всякий раз, как приходит зима, мы всякий раз вновь и вновь видим длинные очереди нищих, дрожащих от холода и голода, с тревогой ожидающих у ворот казарм, больниц, ресторанов и некоторых благотворительных учреждений, той минуты, когда можно будет получить тарелку супа или кусок хлеба. А так как такое положение не может продолжаться долго, то людям, наконец, надоест умирать с голоду, и они сделают революцию.

И вот, когда эта революция произойдет, влияние анархических идей будет, по нашему мнению, тем сильнее, чем больше они за это время успеют распространиться, чем лучше они будут поняты, чем полнее будут они выяснены и очищены от всех тех предрассудков, которые еще живут в нас благодаря привычке, наследственности и воспитанию. Наша цель, поэтому – прежде всего выяснять и распространять наши идеи и образовывать группы товарищей сознательных, избегающих всяких уступок, которые могли бы стушевать часть нашего идеала, всяких союзов ради увеличения нашей численности, союзов, которые могут рано или поздно явиться нам помехой и вызвать сомнение относительно наших настоящих целей.

Итак, революция для нас не цель, а средство – средство, несомненно неизбежное и к которому, наверное, придется прибегнуть, но имеющее ценность постольку, поскольку оно ведет к цели. Предоставим самому обществу создавать своей несправедливостью недовольных, протестующих, революционеров; наше же дело – создавать людей сознательных, знающих, чего они хотят, одним словом – настоящих анархистов. Они несомненно, должны быть революционерами, но пусть они останавливаются не только на идее насильственного переворота, но и на той цели, которой он должен послужить.

Мы заранее предвидим возможные возражения: «Что сделали до сих пор все ваши прекрасные теории относительно личной инициативы и самостоятельности?» скажут нам. «Что делают ваши рассеянные повсюду и не связанные между собой группы? Разве вам самим не приходится бороться против различных поступков и взглядов, прикрывающихся названием анархических, но которых вы не хотите признать таковыми?»

Анархическая пропаганда действительно не дала до сих пор всех тех результатов, которые она может дать; ее действительно поняли далеко не все те, кто заявляет себя её сторонниками; но это только доказывает, что наши идеи нужно продолжать разрабатывать, не боясь повторений, чтобы сосредоточить внимание именно на тех пунктах, которые наиболее нужно выяснить.

Кроме того, если в деятельности анархистов и не хватает иногда, сознательной осязательной стройности, практической организации, то она тем не менее ведется довольно энергично и у них, во всяком случае, есть та последовательность и стройность, которая вытекает из общности ясно замеченной цели. Во Франции, в Испании, в Италии, в Англии, в Америке, в Австралии – повсюду анархисты стремятся к уничтожению частной

собственности и государственной власти, к полной и безусловной независимости личности. В этом общая основа всех их взглядов.

В вопросе о способах достижения общей цели могут, конечно, быть разногласия: идеальное единство пока еще не установилось. Но мало-помалу мы к этому приближаемся и, как только исчезнет боязнь некоторых слов, под которыми люди понимают самые различные вещи, мы увидим настоящее взаимное соглашение между группами разных стран, настоящую серьезную организацию, основанную на совершенно свободных началах и тем более прочную, что она будет вытекать из самой практики, а не из искусственного и основанного на уступках договора.

Что же касается существования таких теорий и поступков, от которых следует сторониться, то, действительно, существует в движении известное направление – направление, несомненно имеющее полицейский источник, но распространяющееся благодаря искреннему увлечению некоторых из наших товарищей – против которого мы всеми силами должны бороться.

Но отрицать принципы и все только призывать к революции – плохое средство уберечься от предателей, от ложных идей, от ложных принципов. Есть только один путь для разграничения между идеями действительно анархическими и мнениями, высказываемыми с целью свести движение с его настоящей дороги: это – стараться еще лучше выяснить наши взгляды, еще полнее очистить их от всех переживаний стремления к господству над другими. Мы должны стремиться к тому, чтобы люди, к которым мы обращаемся, нас понимали и умели сами отличить, имеет ли данный поступок анархический характер, или нет; это будет гораздо действительнонее чем заранее высказанное осуждение той или другой категории действий.

Правда, то, что происходит в настоящую минуту в наших рядах, может иногда внушить людям, с нетерпением ожидающим осуществления нашего идеала счастья и гармонии, сомнение в возможности его, в возможности водворения согласия среди того хаоса идей, которые, под именем анархизма, борются в наше время так или иначе с буржуазным строем. Но разве всякая новая идея, стремящаяся к разрушению существующего, не создает временно хаоса и беспорядка? Повторяем: предоставим нашим нетерпеливым товарищам немного успокоиться, и займемся более точной разработкой идей; по мере того, как они будут серьезнее обдумываться и сознательнее восприниматься, они сами уложатся в систему, и эта система будет тем стройнее, чем меньше препятствий мы будем ставить свободному развитию мысли. Развитие анархической идеи само создаст сознательных людей и увеличит таким образом вероятность успеха для будущей революции.

Зарождение этого, ошибочного взгляда на принципы, как на лишнее стеснение в революционной борьбе, в значительной степени зависело от того, что при виде хаоса в идеях и поступках, царящего вокруг них, многие из наших товарищей начинали с одной стороны отчаиваться в возможности сгруппировать силы в виду революции, а с другой – относиться как к метафизике к обсуждению всяких идейных вопросов. Не находя в нашем собственном запасе идей этой силы, они вообразили, что ее можно получить из другого источника, и вернулись к средствам борьбы, прямо заимствованным из понятий

государственных. При этом они самым наивным образом думают, что, переименовав названия, они изменили и сами понятия. Нетерпение мешает им видеть, что, несмотря на свою кажущуюся разрозненность, усилия борцов тем не менее все ведут к одной цели, и этому объединению остается только сделаться сознательным, чтобы приобрести всю ту силу, которую они хотели бы ему придать и которая в действительности может явиться только следствием полного развития идей.

Мы хотим, говорят они нам, чтобы, когда кто-нибудь из товарищей обещает нам свое содействие в каком-нибудь деле, мы могли на него рассчитывать, и чтобы он не нарушил своего обещания, укрываясь за свободу, за независимость личности и т. д. Мы совершенно с этим согласны, но мы думаем вместе с тем, что дело пропагандиста показать людям, что они должны брать на себя обязательство только тогда, когда уверены, что выполнят его, и что, раз уже они дали обещание, простая честность заставляет исполнить его. Конечно, при этом приходится бороться с тем самым деморализующим направлением, о котором мы говорили выше, но опять-таки доказать преимущества солидарности и полного доверия между товарищами может только пропаганда. Какая польза от того, что от человека заранее потребуют взять на себя то или иное обязательство? Допустим даже, что мы напишем огромными буквами в заранее выработанных программах, что люди должны исполнять то, что они обещали; что же нам из этого, у нас нет в руках никакой силы, чтобы принудить тех, кто захочет нарушить свое обещание, к исполнению его?

Будем меньше руководствоваться нашим нетерпением и больше – голосом рассудка, и мы увидим, что метафизика не всегда бывает на той стороне, где ее ищут.

Версия #1

██████████ ██████████ создал 8 июля 2025 17:16:48

██████████ ██████████ обновил 8 июля 2025 17:16:58